

А.А. СОЛОВЬЕВА

Галлиполи в исторической памяти австралийцев

Галлиполийская кампания – один из эпизодов Первой мировой войны, превратившийся в феномен культурной истории Австралии. На протяжении всех последующих десятилетий память об этой операции приобрела определенные черты. Учитывая то обстоятельство, что в современной историографии категория образа становится одной из ведущих и значимых в исторической науке, рассмотрение феномена Галлиполи представляет особый интерес.

Историки обратились к изучению механизмов формирования и функционирования исторической памяти, опираясь на теоретические положения, концептуальный аппарат и методологический инструментарий исследований социальной и культурной памяти, разработанные в смежных дисциплинах и широко представленные в новейшей социально-гуманитарной (социологической, психологической, философской, лингвистической) научной литературе в течение всего XX столетия. Исходным пунктом стала работа Мориса Хальбвакса «Коллективная и историческая память» [2]. В ней автор говорит о том, что такое свойство, как память, может существовать и сохраняться только в той мере, в какой оно привязано к индивидуальному телу или сознанию.

Две памяти (коллективная и индивидуальная) часто проникают друг в друга; в частности, индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание или даже чтобы восполнить кое-какие пробелы, вновь погрузиться в нее, на короткое время слиться с ней. Тем не менее, она идет по собственному пути, и весь этот внешний вклад постепенно усваивается и встраивается в нее. Коллективная память оборачивается вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними. Она развивается по собственным законам, и даже если иногда в нее проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности. Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях. Таким образом, существуют основания различать две памяти, одну из которых можно назвать внутренней, а другую – внешней, или первую личной, а вторую – социальной. Говоря еще точнее, это – автобиографическая память и историческая память.

Историческая память чаще всего понимается как одно из измерений индивидуальной и коллективной (социальной памяти) – как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого [1]. Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования социальных групп в настоящем [4].

По мнению некоторых историков, историческая память мобилизуется и актуализируется в сложные периоды жизни нации, общества или какой-либо социальной группы, когда перед ними встают новые трудные задачи или создается реальная угроза самому их существованию. Такие ситуации неоднократно возникали в истории каждой страны, этнической или социальной группы. В связи с этим привлекает внимание проблема формирования исторических мифов и предрассудков, а также их укоренение в массовом сознании. Видный французский историк М. Ферро убедительно показал, что учебные тексты, которые используются в разных странах для обучения молодежи, нередко трактуют одни и те же исторические факты весьма по-разному, в зависимости от национальных интересов [3].

В.А. Шнирельман подчеркивает: изучая идеологию современного национализма, нельзя забывать о том, что дело не в пресловутой «генетической памяти», что мы имеем дело с обществом грамотных людей, которые черпают свои знания об истории из школьных учебников, художественной литературы, средств массовой информации, а вся такого рода продукция создается профессиональной интеллигенцией [5]. Конечно же, историкам непросто абстрагироваться от идеологии или групповых интересов. Так было и тогда, когда

историческая наука только еще формировалась, так происходит и в наше время. В итоге научные произведения по ряду параметров оказываются весьма близки мифологии, оперируя образами прошлого, почерпнутыми из массового сознания или созданными на его потребу.

В связи с растущим интересом к теме исторической памяти возникает представление об истории как «образе», как «конструкции». Интерес австралийских историков сместился в последние годы от изучения «фактической» истории первой мировой войны и участия в ней Австралии к рассмотрению отражения Галлиполийской кампании в коллективной, исторической памяти австралийцев. Так, одним из первых к этой теме обратился австралийский историк, который сам воевал на полях сражений на Галлиполи, Алан Мурехед [9], опубликовавший несколько работ на тему Галлиполи. Основной считается книга «Галлиполи», изданная еще в 1956 году. В ней Мурехед предпринял попытку изучить влияние военных исторических мифов австралийского народа о своих солдатах, воевавших на полуострове. Позднее он подготовил сборник под названием «АНЗАК», в который вошли письма, воспоминания, дневниковые записи солдат, а также художественные произведения (в основном стихотворения и поэмы о великих подвигах австралийских солдат), созданные во время и после Галлиполийской кампании. Таким образом, А. Мурехед создал основу для рождения множества мифов о величии австралийских солдат. Мурехед считается в Австралии основным военным историком, сформировавшим национальный символ «Галлиполи». Он стал одним из основателей Австралийского Военного Мемориала в столице Австралии Канберре, в основу которого сейчас входят не только сам мемориал, но и большое количество военных музеев, архивов, а также различные австралийские военные общества, изучающие «Галлиполи».

Однако позднее заслуги Мурехеда как историка были подвергнуты сомнению. Так, Р. Джеймс [8] в 1999 году в предисловии к изданию книги «Галлиполи» писал, что сам был увлечен трудами Мурехеда, однако более глубокое их изучение убедило его, что книги прославленного автора — это работы больше журналиста, чем историка. Открытие доступа к официальным документам позволило Джеймсу подвергнуть сомнению некоторые мифы о Галлиполи, хотя в целом автор остался верен традициям Мурехеда и в своей работе использовал интервью тех людей, которые участвовали в кампании не только на стороне союзнических войск, но и тех, кто сражался на стороне Турции. В данном исследовании наиболее интересными являются главы, посвященные условиям жизни австралийских солдат на Галлиполи, из них мы узнаем об отношениях солдат, о боевом опыте, о болезнях, ранах, о ежедневной борьбе за жизнь в военной зоне. В целом «Галлиполи» Р. Джеймса остается одной из лучших работ, посвященных кампании, позволяющей почувствовать её трагизм.

В контексте изучения исторической памяти следует отметить работы Питера Хофсбаума «Ландшафт, память и Австралийская война» [7], Джона Лака «Возвращение на Галлиполи» и Пола Фассела «Путешественники и туристы» [6]. В них освещается влияние мировой войны на историческую память австралийцев, рассматривается стремление сделать Галлиполи национальным символом. Так, Хофсбаум утверждает, что Галлиполийская кампания оказала воздействие на национальный характер австралийцев, подчеркивая сплочение нации после Первой мировой войны и, в свою очередь, связывает это с особенностями географического положения Австралии и непосредственно ее ландшафта, говоря о том, что ландшафт и климатические условия Галлиполи были не просто неизвестны австралийцам, но и сильно повлияли на способность их не только воевать, но и на психологический и эмоциональный дух. Джон Лакк в своей работе исследовал художественную литературу, кинематограф и дневниковые записи солдат и пришел к выводу, что столь далекое расстояние от Родины, непонимание масштабов боевых действий в Европе привели к рождению мифов о славе армии АНЗАК, а впоследствии и к их влиянию на рост национального духа. Трагедия потери своих мужчин стала символом Австралии.

Брюс Скейтс опубликовал в 2003 году под названием «В тени Галлиполи» интервью с австралийцами разных поколений, совершивших паломничество на полуостров на военные кладбища и к местам сражений. Он пытался понять причины трепетного отношения австралийцев к памяти о погибших во время кампании, истоки культа памяти о погибших соотечественниках, характерного уже для многих поколений австралийцев, каждый из которых знает о кампании на Галлиполи. Сведения об этом преподаются в курсах истории средней школы, истории об АНЗАК изобилуют в печати каждое 25 апреля (ANZAK Day). Многие из

того, что было написано о Галлиполи, является интересным не только специалистам, но и тем, кто желает знать больше о кампании. Существует огромное количество материала, доступного для изучения. С недавнего времени большинство австралийцев получили самые сильные впечатления о Галлиполийской кампании из известного фильма Питера Веира «Галлиполи». Каждый год тысячи австралийцев посещают Галлиполи и Западный фронт, чтобы встретить рассвет 25 апреля и отдать дань своим предкам. За последние три года паломничество приобрело статус некоего ритуала, который с трепетом соблюдают многие австралийцы, независимо от их возраста и социального положения. Такое паломничество стало возможным благодаря «взрыву современного туризма». Дешевая стоимость авиабилетов сократила расстояние между Европой и Австралией, многие туристические фирмы предлагают различные маршруты по посещению австралийских военных могил. Популярность паломничества имеет непосредственное отношение к процветанию семейной истории в Австралии. Посещение Галлиполи побуждает австралийцев изучать судоходные списки в поисках своих предков, ради этого сотни жителей материка каждый год проводят определенное количество времени в различных областях Галлиполийского полуострова и Фландрии.

Большинство таких паломников ведут свои поиски самостоятельно (а другие при поддержке Военного Мемориала) или берут несколько туров по местам сражений; теперь такие люди в Австралии считаются внештатными военными историками. Для всех этих людей семейная история намного больше, чем хобби. Официальные документы, найденные в архивах, паломничество к местам сражений и на кладбища, где можно найти могилы своих родственников, в сочетании с фрагментами исчезающих со временем дневников или писем представляют собой настоящую семейную историю. Австралийцы проводят годы, исследуя жизнь своих родственников и разыскивая их могилы на далёком Галлиполийском полуострове.

Ежегодно большое количество молодых людей посещают кладбища первой мировой войны, особенно это касается Галлиполи. Молодёжь отправляется туда, чтобы отдать дань своим предкам, для многих из них эта поездка становится частью большого путешествия. Кроме посещения празднования 25 апреля молодежи предлагается совершить путешествие на корабле вокруг полуострова и посетить памятные места. В отличие от старшего поколения паломников, которые путешествуют на Галлиполи, австралийская молодежь порой ничего не знает о своих родственниках, похороненных там. Но это не является доказательством того, что их путешествия не несут под собой никакого эмоционального смысла. Оказываясь на Галлиполийском полуострове, молодые люди начинают ощущать связь с историей [10].

Галлиполи стало местом множества школьных экскурсий, но они — также часть континуума семейной истории: четыре поколения назад прапрадеды многих боролись на Галлиполийском полуострове. Посещение Галлиполи помогает людям стать «свидетелями» определенного момента своей истории, и это «ощущение истории» и привлекает сюда молодежь. Австралийцы отдают дань и неизвестным солдатам, оставляя на их могилах кресты и бумажные маки как символы воспоминания.

Память о войне имеет большое значение, которое изменяется с каждым последующим поколением, и даже каждое индивидуальное доказательство может стать богатым и сложным опытом для австралийской нации. В конечном счете, такое стремление австралийцев посетить эти священные места может сказать нам много о том, как нация приобретает ощущение единого сообщества.

В стране очень много музеев, посвященных Галлиполийской кампании и соотечественникам, участвовавшим в ней. В крупных городах открыты военные мемориалы, которые представляют собой объединение не только памятников и музеев, но и организации, которые оказывают помощь тем, кто желает отыскать информацию о своих предках или посетить Галлиполи. Австралийский Военный Мемориал поддерживает целую сеть Интернет-сайтов, на которых в свободном доступе размещена любая информация, касающаяся роли австралийцев в Галлиполийской кампании. На сайтах, посвященных Галлиполи, можно найти статьи и книги разных авторов, а также различные источники: официальные документы, мемуары, письма солдат, дневниковые записи и фотографии. Всё это говорит о том, что австралийцы изучают свою историю и чтят память погибших на Галлиполи, и показывает их огромное желание, сделать информацию доступной и другим людям, заинтересованным проблемой Галлиполийской кампании и историей Австралии.

Библиографический список

1. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. Часть 1,2 // Неприкосновенный запас № 40-41 (2-3/2005); www.nz-online.ru
3. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 23-28
4. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной неприкосновенности//Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112-123.
5. Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. М., 1999. Вып. 2.
6. Fussel P. Travelers, Journeys Tourists//Australian Cultural History №10, 1992, p. 45-56
7. Hoffenberg P. Landscape, Memory and the Australian War //Journal of Contemporary History №1 Jan. 2001, p. 111-131
8. James R. Gallipoli London University Press 1965 326 p.
9. Moorehead A. Gallipoli, 1956// Journal of the Australian War Memorial./; <http://www.awn.gov.au>.
10. Scates B. In Gallipolis's shadow/ Interview //Australian historical studies № 119 2002, С. 119-135.